

В ПРОШЛОМ году, когда праздновалось двадцатилетие нашей Победы, услышал я по радио песню про землянку. И хоть была она давным-давно знакома, а в тот раз прозвучала как-то по-новому, словно вложил в нее певец частичку своей боли. Предчувствие не обмануло: для Анатолия Александровича это была не просто песня, а воспоминание. О Подмоскovie — сорок первого года. О Сталинграде — сорок второго. О Восточной Пруссии — сорок четвертого.

Война перетряхнула всю его нехитрую мальчишескую жизнь, затащила в самое пекло. Научила ночным прыжкам с парашютом, приемам самбо, вложила в руку не только автомат, но и финский нож, потому что ленинградский мальчишка стал отчаянным десантником, а потом — разведчиком. Война сделала его коммунистом. На волжском берегу во главе роты, от которой осталось четырнадцать человек, он держал полтора километра фронта. Потом взяли искромсанную высоту 172.1. Вцепившись в нее зубами, отбили одиннадцать контратак, а утром Анатолий получил орден.

За четыре года было всего вдоволь — и огня, и крови, и песен. Да, да, песню солдат, как оружие, хранил при себе. Но зато в час передышки щедро дарил ее друзьям-товарищам. Концерты они с командиром артиста Яковом Сегелем закатывали знаменитые. Сейчас Сегель — известный кинорежиссер, а тогда все в части звали его Робертом Грантом и просили спеть про веселый ветер, потому что Яша перед войной снялся в популярном приключенческом фильме.

Так жил солдат до того дня, когда фронтовая дорога привела на границу. Неспokoйной октябрьской ночью начальник полковой разведки капитан Александрович возглавил поисковую группу. Это был его последний бой. Фашист успел бросить гранату. Анатолий очнулся в госпитале.

Инвалид в двадцать два года — такое пережить не просто. Он пережил, одолел сам и еще другим помог. Он и его песня... Лежал в палате летчик Кордонский. Без руки. Лежал и молчал. Больше месяца. Думал о самоубийстве. И тут подсел к нему парень с баяном. Слово за слово, а потом началось — «Огонек», «Моя любимая», «Землянка»... Когда через месяц прощались, летчик сказал:

— Ты мне сохранил жизнь.

Сейчас, бывая в Москве, Анатолий обязательно встречается со своим «крестником». Друзья вспоминают госпиталь. Здесь Александрович впервые вышел на сцену. До мельчайших подробностей помнит, как, неловко опершись о стул, пел на том первомайском концерте свою

«песню» — и мы у ваших ног», а перед концертом в Хельсинки за кулисами целая семья на ломаном финско-русском старательно объясняет: — Пожалуйста, про города голубого цвета... Мы слышали по телевизору из Ленинграда.

Анатолий не смог дойти до Берлина в сорок пятом. Он пришел сюда в пятьдесят первом. Принес на молодежный фестиваль песню. И вернулся домой с золотой медалью.

ОН ВЛЮБЛЕН в песню. Но ведь этого для успеха еще мало. Чтобы хорошо ее исполнить, нужны не только голос, культура... Создать в песне образ порой труднее, чем в романсе или оперной арии, потому что мелодический материал в ней, как правило, очень лаконичен. Возникнет ли значитель-

цел — только на Лучшие, классические образцы. Иногда приходится спорить с укоренившимся мнением, и тогда вдруг оказывается, что романс «Отвели хризантемы в сад», если его исполняет настоящий артист, вовсе не пошл и мещанист, а мягок, лиричен и чист.

ЕГО ДЕНЬ всегда начинается в половине восьмого с зарядки. После завтрака — сразу к роялю. Он это называет тренажем. Потом — репетиция с аккомпаниатором. Потом — концерт. Иногда их несколько. Аудитории самые разные — от турбинного цеха до Дворца съездов. Репертуар обширен, но все-таки главное — песни.

Какая для него самая дорогая? Анатолий Константинович выделяет одну, потому что присутствовал при ее рождении. Было это в Северном море. Втроем с композитором Соловьевым-Седым и поэтом Фогельсоном возвращались со стоянки торпедных катеров. Моряки проводили по-флотски, прощанье затянулось сверх всяких норм. И вот теперь композитор стоял на мостике, вцепившись взглядом в тающий островок. Потом он словно очнулся, сбежал вниз и набросал несколько нотных строчек. Напел мелодию Фогельсону, тот зашел за стихи. Так возник «Североморский вальс», который назавтра вслед за Александровичем подхватил весь город.

Берег северный — сплошь гранит, Здесь до осени снег лежит...

БЕЗ МУЗЫКИ он не может существовать ни дня. Но не только она одна составляет жизнь певца. Многие годы коммунист на общественной работе. Сейчас он — в партбюро Ленконцерта.

А вообще-то глава семьи, на радость маленькой Иришке, — отчаянный выдумщик и фантазер. Прежде всего, снимает кинофильмы. Во-вторых, рыбачит. В-третьих, отлично собирает грибы. Лихо водит машину, плавает, катается на коньках. Еще коллекционирует марки и значки.

...Лежат в столе боевые награды. Здесь можно увидеть уникальную медаль, которую Советский комитет ветеранов войны присудил Анатолию Константиновичу в день двадцатой годовщины Великой Победы. Наверное, среди артистов нашего города только один Александрович может похвастаться такой реликвией.

Так живет он — солдат, артист, гражданин. Щедро дарит людям радость, которая называется песней.

Л. СИДОРОВСКИЙ

На снимке: А. Александрович
Фото В. Туроверова

ПЕСНЯ НЕ ПРОЩАЕТСЯ С ТОБОЙ...

самую первую — «Смуглянку», как яростно потом хлопали люди в халатах, как всхлипывали медсестры, как присутствовавший там педагог Рязанского музыкального училища сказал:

— Вам надо петь.

Училище закончил за два года вместо четырех, а потом поступил в Ленинградскую консерваторию. С той поры мы и знаем певца Анатолия Александровича, потому что он стал выступать в концертах с первого курса. После аспирантуры вот уже десять лет Анатолий Константинович — в филармоническом отделе Ленконцерта.

И В БРЕСТЕ, и на Сахалине, и под Ташкентом, и в Заполярье его встречают как старого знакомого. Песни обгоняют исполнителя, залетают в самые далекие уголки нашей Родины, пересекают границы. И потом воронежские студенты бросают ему записку: «Пару

художественный символ — это во многом зависит от фантазии, вкуса и чуткости исполнителя.

Александрович строг — и к песне, и к себе. Он не гонится за модой, не прельщается дешевым успехом. Его невозможно представить в шлягерном репертуаре, шепчущем в микрофон интимный текстик очередной заграничной или отечественной поделки. Ему не придет в голову корчиться на сцене, выкрикивать «шейк» или «твист», просить зрителей помогать ему хлопками и топотом. Артисту такое «искусство» и чуждо, и противно. В его программе — только то, чего он не может не петь. Дунаевский, Соловьев-Седой, Блантер, Петров, Прицкер, Носов... И вместе с тем — Чайковский, Римский-Корсаков, Брамс, Бах, Шуберт, Шуман. А рядом — старинные русские романсы: Алябьев, Гурилев, Варламов, и итальянские композиторы: Беллини, Денца, Куртис... При-